
СОВЕТ ТЕЛ
АВТОР СОЛНЦЕВА М.В

Маргарита Солнцева
Совет тел

https://litres.ru/74710202
SelfPub; 2026

Аннотация

Планеты Солнечной системы умеют говорить — и говорят они примерно так же, как люди: обижаются, хвастаются, врут о своём возрасте и перебивают друг друга. Лингвист Полина Штерн, специалист по мёртвым языкам, всю жизнь расшифровывала то, чего уже никто не скажет, и однажды ночью на РАТАН-600 услышала голос, который говорил на языке, где слово «я» значит «я и все, кто на мне живёт». Проблема в том, что Землю за этот голос вызывают на Совет Тел: её детей обвиняют в несанкционированном вещании, а планету — в том, что она не умеет их заткнуть. Драма о том, что услышать кого-то — работа, а не чудо, и о том, как трудно быть переводчиком между теми, кто любит друг друга и не умеет разговаривать.

Содержание

Глава 1. Ночь, когда шум заговорил 5
Глава 2. Переводчица мёртвых языков 27
Глава 3. Первый голос 51
Глава 4. Протокол 73
Глава 5. Шуба, которую не снять 96
Конец ознакомительного фрагмента. 111

Маргарита Солнцева
Совет тел

Фантастика

Совет Тел

Солнцева М.В.

Планеты Солнечной системы умеют говорить — и говорят они примерно так же, как люди: обижаются, хвастаются, врут о своём возрасте и перебивают друг друга. Лингвист Полина Штерн, специалист по мёртвым языкам, всю жизнь расшифровывала то, чего уже никто не скажет, и однажды ночью на РАТАН-600 услышала голос, который говорил на языке, где слово «я» значит «я и все, кто на мне живёт». Проблема в том, что Землю за этот голос вызывают на Совет Тел: её детей обвиняют в несанкционированном вещании, а планету — в том, что она не умеет их заткнуть. Драма о том, что услышать кого-то — работа, а не чудо, и о том, как трудно быть переводчиком между теми, кто любит друг друга и не умеет разговаривать.

SunnyBooks

Глава 1. Ночь, когда шум заговорил

Сигнал пришёл в 3:14, и первое, что сделал Константин Дудник, — обругал китайцев.

— Это спутник, — сказал он с той уверенностью, которая появляется у человека, проработавшего в смене шесть часов и не выпившего ни одного чая до конца. — Китайский. Или американский. Или вообще наш, которого нет в списке, потому что список составляли в понедельник.

— У него структура, — сказала Полина.

— У всего структура. У меня в холодильнике структура.

Она не стала спорить. Спор в три часа ночи — это способ согреться, а не способ выяснить истину, и Полина давно выучила: с людьми, которые всю ночь следят за приборами, лучше говорить утром, когда они становятся людьми.

Телескоп стоял на плато, и в окне было ровно две вещи: небо и снег. Снег шёл с вечера боком, потом устал и пошёл прямо, а к трём часам лёг и стал похож на одеяло, накинутое на что-то большое, чей силуэт угадывается, но не более. Полина сидела у монитора в свитере, из-под которого торчал воротник второй рубашки, потому что отопление в аппаратной работало по принципу «мы не обещали».

Она пришла сюда в сентябре по разнарядке. Формулировка в приказе звучала так: «привлечь специалиста по дешифрированию мёртвых языков к анализу архивных шумов».

Мёртвые языки в этой формулировке были не зря: у Полины не было ни одного живого. Она умела читать то, чего уже никто не скажет, — таблички из Угарита, письма из Фаюма, берестяные записки из-под Новгорода, в которых люди по имени Ждан просили прислать соли, — и за это умение ей платили столько, что она снимала квартиру с видом на трансформаторную будку и считала это нормальным.

— Полина Марковна, — сказал Константин, — вы, если хотите, можете посмотреть. Но я предупреждаю: это спутник.

— Я посмотрю.

Она надела наушники. В наушниках был шум.

Шум был не белый. Белый шум — это когда ничего не происходит, и он звучит как пустая комната. А этот шум был полон. В нём кто-то дышал, и дышал он неровно, с задержками, и в этих задержках был ритм, который Полина узнала раньше, чем поняла: так дышит человек, который собирается сказать важное и не решается.

Она увеличила разрешение и увидела: в спектре было семь или восемь полос, и в каждой — свой узор, повторяющийся с периодом, который она сначала приняла за ошибку оборудования. Период был разный. Один — сто пятьдесят девять минут. Второй — почти двести двадцать четыре дня. Третий — сто лет.

— Костя, — сказала она. — Здесь повтор с периодом в сто лет.

— Всё повторяется с периодом в сто лет, — отозвался он из-за стеллажа. — Это называется история.

Она не улыбнулась. Потому что в этот момент одно из полос перестало быть полосой и стало голосом.

Голос был низкий, гораздо ниже всего, что человек может издать, но звучал он не в воздухе, а как будто в самой кости, и Полина поняла его — не по словам, а по способу, которым он строился. Она видела это в угаритских гимнах: там также сначала идёт не имя, а описание, а имя ставится в конце, как подпись под заявлением.

«Тело, которое делает оборот, — говорил голос. — Тело, которое видит всех, потому что бежит, и не видит никого, потому что некогда. Я устало. Оно опять касалось меня металлом».

Полина выпрямилась.

— Что? — спросил Константин.

— Подожди.

— Скажите мне, что спутник.

— Это маленькая планета, — сказала Полина, и Костя за спиной громко поставил кружку на стол.

Он делал так всегда, когда не хотел смеяться: ставил кружку игрушечным движением, будто уронил, но потом сказал «шутка». Сейчас он ничего не сказал. Он подошёл и долго смотрел на экран, где спектр медленно раскачивался, как трава под ветром.

— Это не спутник, — сказала Полина. — У спутника один

период. У этого — восемь.

— Тогда это восемь спутников.

— Тогда это восемь спутников, которые переговариваются, — сказала она. — И один из них подписывается как «то, что делает оборот».

Константин Дудник простоял ещё минуту, потом повернулся и пошёл к чайнику. Это было единственное разумное действие в аппаратной в ту ночь, и Полина потом часто думала: у человечества не так много инстинктов, но один из самых достойных — идти заварить чай, когда ничего не понятно.

К утру она знала три вещи. Что голосов не меньше восьми. Что они обращаются друг к другу и, кажется, спорят. И что самый громкий из них — тот, который звучит ближе всего, — говорит меньше всех.

«Уран, на работе говорят, что ты занимаешься ерундой. Я отвечаю, что ерунда — это то, что не отвечает».

Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

«Уран, я слушаю запись восьмидесятого года и не могу перестать думать: они ждали тридцать лет».

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

В коридоре гудел трансформатор, и от этого гуда болели зубы. За окном шёл дождь и стучал по жестяному козырьку.

Полина смотрела на часы у трансформаторной будки.

— Что писать в отчёте? — Правду. Отчёт читают реже, чем вы думаете.

Полина думала, что язык — единственное, что нельзя отобрать, не убив.

В аппаратной пахло пылью и нагретым металлом. Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

«Снегирёва, если ты читаешь это, значит, я всё-таки отдал дневник. Не суди строго: он слышал раньше всех».

Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

«Нептун, приезжай. Я плохо сплю и хочу услышать, как ты говоришь, а не как ты пишешь».

Запись закончилась в 04:19, и никто не хотел первым выключать лампу.

Антенна стояла в поле и слушала небо, как слушают соседа через стену. На полу лежал коврик, стёртый до основы.

Плутон перечитывал тетрадь за прошлую неделю у стола с тетрадями.

— Вы понимаете, что это невозможно? — Понимаю. Но оно говорит, а я слышу, и это два факта.

Молчание в эфире было плотнее любого звука.

В архиве было холодно, и картон пах пылью и старым клеем. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

В углу стояла коробка с лентами, подписанная «восемьде-

сят третий, не стирать». На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка.

Нептун считал паузы на лестнице.

— Почему оно говорит с вами, а не с нами? — Потому что я отвечаю.

Смысл собирался медленно, как изображение в старом телевизоре.

На доске мелом были выписаны частоты и стёрты наполовину. Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

«Юпитер, на работе говорят, что ты занимаешься ерундой. Я отвечаю, что ерунда — это то, что не отвечает».

Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

«Снегирёва, я слушаю запись восьмидесятого года и не могу перестать думать: они ждали тридцать лет».

Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

Пометка на полях:

Не относится к делу: Полина дважды выходила курить и оба раза извинялсяа перед антенной.

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

Докладная записка. Прошу разрешить доступ к архиву

восемьдесят третьего года. Основание: в записи Гринберг в 04:19 встречается та же пауза, что в отцовском спектре.

Запись закончилась в 05:02, и никто не хотел первым выключать лампу.

«Меркурий, если ты читаешь это, значит, я всё-таки отдал дневник. Не суди строго: он слышал раньше всех».

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

«Юпитер, я не знала, как это сказать, поэтому пишу: твой отец был прав, и это не утешение, а факт».

Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

В журнале дежурств стояла подпись, разобрать которую не смог бы и автор. В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой.

Гринберг заваривал чай у стола с тетрадями.

— Сколько у нас времени? — Шесть дней. Потом приедет тот, кого не зовут дважды.

Куратор понимала, что пишет отчёт о том, чего не существует, и делала это хорошо.

В наушниках шуршало так, будто кто-то перелистывал газету очень далеко. Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

Стенограмма, лист 229. Нептун: «в комнате отдыха — не место, это порядок». Реакция присутствующих: двое записали, один вышел в коридор.

Запись закончилась в 02:40, и никто не хотел первым выключать лампу.

Из тетради:

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Снегирёва.

Проверить: у Снегирёва пауза 00:04 перед словом «слышу» — не случайность.

Знак: повтор с периодом около ста лет. Слово пока не собирается.

Из тетради:

Сверила с тетрадью отца: та же пауза, только на 4 лет раньше.

Наблюдение: Плутон отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

Не относится к делу: Юпитер дважды выходил курить и оба раза извинялся перед антенной.

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Плутон.

Запись в блокноте:

Сегодня впервые за месяц никто не сказал слово «сигнал».

Знак: повтор с периодом около ста лет. Слово пока не собирается.

Сверила с тетрадью отца: та же пауза, только на 17 лет раньше.

На столе лежали три тетради и ручка без колпачка. В поле

включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд.

Земля слушала в наушниках тишину у стола с тетрадями.

— Плутон, вы уверены, что это не наша аппаратура? — Уверена. Аппаратура не умеет быть вежливой.

Костя верил в свои наушники и в этом был сильнее многих.

В термосе оставалось на два глотка. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

В коридоре гудел трансформатор, и от этого гуда болели зубы. Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал.

Уран разговаривал с дежурным в комнате отдыха.

— И что мы скажем Совету? — Скажем про людей. Про нас, а не про нашу боль.

Перевод — это всегда немного измена; вопрос был только в допустимой доле.

В аппаратной пахло пылью и нагретым металлом. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

В столовой продавали чай за три копейки и не спрашивали про сдачу. Антенна стояла в поле и слушала небо, как слушают соседа через стену.

Венера пересчитывала знаки в машине на трассе.

— Это конец? — Это переписка. У переписки не бывает конца, бывает пауза.

Всё, что они слышали, было частной перепиской, и они читали её без разрешения.

На доске мелом были выписаны частоты и стёрты наполовину. Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка. В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой.

Марс проверял уровень записи в кабинете куратора.

— Это можно выключить? — Можно. Только это не выключается, оно замолкает.

Полина думала, что язык — единственное, что нельзя отобрать, не убив.

В углу стояла коробка с лентами, подписанная «восемьдесят третий, не стирать». Запись закончилась в 23:31, и никто не хотел первым выключать лампу.

Из рабочей тетради:

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Полина.

Сегодня впервые за месяц никто не сказал слово «сигнал».

Свет от монитора падал на лица так, что все казались моложе и усталее сразу. Самописец выводил линию, и линия

была ровной, как чужая совесть.

Юпитер перематывал ленту у антенны.

— Вы понимаете, что это невозможно? — Понимаю. Но оно говорит, а я слышу, и это два факта.

Молчание в эфире было плотнее любого звука.

За окном шёл дождь и стучал по жестяному козырьку. Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал. В журнале дежурств стояла подпись, разобрать которую не смог бы и автор.

Снегирёва курила на ветру в архиве.

— Что писать в отчёте? — Правду. Отчёт читают реже, чем вы думаете.

Отец тридцать лет говорил одно и то же, и его слушали как погоду.

В столовой продавали чай за три копейки и не спрашивали про сдачу. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Пометка на полях:

Наблюдение: Уран отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

Проверить: у Уран пауза 00:04 перед словом «слышу» — не случайность.

Знак: повтор с периодом около ста лет. Слово пока не собирается.

Сверила с тетрадью отца: та же пауза, только на 11 лет раньше.

В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд. В наушниках шуршало так, будто кто-то перелистывал газету очень далеко.

Гринберг правил стенограмму у самописца.

— Вы понимаете, что вас снимут? — Понимаю. Стенограмма останется.

Куратор понимала, что пишет отчёт о том, чего не существует, и делала это хорошо.

В коридоре гудел трансформатор, и от этого гуда болели зубы. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

Из тетради:

Не относится к делу: Снегирёва дважды выходила курить и оба раза извинялсяа перед антенной.

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Венера.

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

Наблюдение: Венера отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю, что вращение не умеет ждать.

На доске мелом были выписаны частоты и стёрты наполовину. На столе лежали три тетради и ручка без колпачка.

Плутон правил стенограмму у самописца.

— Ты спал хоть час? — Час. Спал. Это был хороший час.

Новость о говорящих соседях дойдёт до людей через кружки быстрее, чем через отчёты.

На полу лежал коврик, стёртый до основы. Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

Опись лент, коробка 413. Лент: 40. Из них подлежит восстановлению: 118. Остальные — «не стирать».

Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

«Уран, на работе говорят, что ты занимаешься ерундой. Я отвечаю, что ерунда — это то, что не отвечает».

Запись закончилась в 05:02, и никто не хотел первым выключать лампу.

Из тетради перевода, лист 436. Знаки: 11. Слова: 12. Не относится к делу: 02:40. Пометка: «адресат» и «слушатель» в языке Снегирёва — разные слова.

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

В углу стояла коробка с лентами, подписанная «восемьдесят третий, не стирать». Свет от монитора падал на лица так, что все казались моложе и усталее сразу.

Полина спорила с расчётом в архиве.

— Почему оно говорит с вами, а не с нами? — Потому что я отвечаю.

Смысл собирался медленно, как изображение в старом те-

левизоре.

В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой. Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

Докладная записка. Прошу разрешить доступ к архиву восемьдесят третьего года. Основание: в записи Уран в 03:05 встречается та же пауза, что в отцовском спектре.

Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

Часы на стене отставали на семь минут, и это всех устраивало. Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал.

Земля вытирала пыль с аппарата у пульта.

— Откуда ты знаешь, что оно устало? — По паузам. Уставшие говорят короче.

Костя верил в свои наушники и в этом был сильнее многих.

Антенна стояла в поле и слушала небо, как слушают соседа через стену. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

Из тетради:

Сегодня впервые за месяц никто не сказал слово «сигнал».

Проверить: у Венера пауза 00:11 перед словом «слышу» — не случайность.

Не относится к делу: Костя дважды выходил курить и оба

раза извинялся перед антенной.

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Венера.

Техническая сводка № 317. Шумовая температура 0 К, ветер 3 м/с, запись на два носителя. Примечание: при усилении свыше 21 дБ появляется звук, похожий на дыхание.

Запись закончилась в 03:05, и никто не хотел первым выключать лампу.

«Плутон, приезжай. Я плохо сплю и хочу услышать, как ты говоришь, а не как ты пишешь».

Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

За окном шёл дождь и стучал по жестяному козырьку. В столовой продавали чай за три копейки и не спрашивали про сдачу.

Уран разговаривал с дежурным на лестнице.

— Это опасно? — Опасно не это. Опасно то, что мы уже начали привыкать.

В этой комнате говорили шёпотом, будто боялись разбудить небо.

В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд. Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

Самописец выводил линию, и линия была ровной, как чужая совесть. В наушниках шуршало так, будто кто-то перелистывал газету очень далеко.

Костя искал нужную папку в машине на трассе.

— Сколько у нас времени? — Шесть дней. Потом приедет тот, кого не зовут дважды.

Молчание в эфире было плотнее любого звука.

В аппаратной пахло пылью и нагретым металлом. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

Стенограмма, лист 316. Венера: «на дежурстве — не место, это порядок». Реакция присутствующих: двое записали, один вышел в коридор.

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Из тетради перевода, лист 321. Знаки: 3. Слова: 1. Не относится к делу: 00:41. Пометка: «адресат» и «слушатель» в языке Венера — разные слова.

Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

Запись № 458. Тело: Гринберг. Время: 01:12. Реплик: 11. Отмечено: 00:41. Слышимость устойчивая, помехи не влияют на разборчивость. Перевод предварительный.

Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

На столе лежали три тетради и ручка без колпачка. В коридоре гудел трансформатор, и от этого гуда болели зубы.

Венера правила стенограмму у трансформаторной будки.

— Вы понимаете, что это невозможно? — Понимаю. Но

оно говорит, а я слышу, и это два факта.

Она впервые задумалась, что адресат — не тот, кто услышит, а тот, кто ответит.

В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой. Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

Докладная записка. Прошу разрешить доступ к архиву восемьдесят третьего года. Основание: в записи Костя в 23:31 встречается та же пауза, что в отцовском спектре.

Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

Свет от монитора падал на лица так, что все казались моложе и усталее сразу. Часы на стене отставали на семь минут, и это всех устраивало.

Снегирёва писала в журнал дежурств на крыше.

— Это можно выключить? — Можно. Только это не выключается, оно замолкает.

Всё, что они слышали, было частной перепиской, и они читали её без разрешения.

На доске мелом были выписаны частоты и стёрты наполовину. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Протокол сеанса № 216. Слушали Меркурий. Решено: считать обращение речью условно, до Ревизии. Особое мнение: куратор возражает против слова «условно», но подписывает.

Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

Стенограмма, лист 305. Костя: «на дежурстве — не место, это порядок». Реакция присутствующих: двое записали, один вышел в коридор.

Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

Из рабочей тетради:

Наблюдение: Плутон отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

Знак: повтор с периодом около ста лет. Слово пока не собирается.

На полу лежал коврик, стёртый до основы. В архиве было холодно, и картон пах пылью и старым клеем.

Марс делал пометку на полях в коридоре института.

— Гринберг, вы уверены, что это не наша аппаратура? — Уверена. Аппаратура не умеет быть вежливой.

Новость о говорящих соседях дойдёт до людей через кружки быстрее, чем через отчёты.

Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

«Юпитер, если ты читаешь это, значит, я всё-таки отдал дневник. Не суди строго: он слышал раньше всех».

Запись закончилась в 04:19, и никто не хотел первым выключать лампу.

«Сатурн, я слушаю запись восьмидесятого года и не могу перестать думать: они ждали тридцать лет».

Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

В термосе оставалось на два глотка. На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка.

Нептун считал паузы в архиве.

— Вы понимаете, что вас снимут? — Понимаю. Стенограмма останется.

Отец тридцать лет говорил одно и то же, и его слушали как погоду.

Антенна стояла в поле и слушала небо, как слушают соседа через стену. Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

На столе лежали три тетради и ручка без колпачка. В журнале дежурств стояла подпись, разобрать которую не смог бы и автор.

Сатурн искал нужную папку в кабинете куратора.

— Что писать в отчёте? — Правду. Отчёт читают реже, чем вы думаете.

Смысл собирался медленно, как изображение в старом телевизоре.

В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд. В журнале осталась строчка на

четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Свет от монитора падал на лица так, что все казались моложе и усталее сразу. Самописец выводил линию, и линия была ровной, как чужая совесть.

Плутон ходил по коридору из угла в угол у трансформаторной будки.

— Ты спал хоть час? — Час. Спал. Это был хороший час.

Куратор понимала, что пишет отчёт о том, чего не существует, и делала это хорошо.

В столовой продавали чай за три копейки и не спрашивали про сдачу. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

Запись № 82. Тело: Полина. Время: 23:31. Реплик: 13. Отмечено: 00:04. Слышимость устойчивая, помехи не влияют на разборчивость. Перевод предварительный.

Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

В архиве было холодно, и картон пах пылью и старым клеем. Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал.

Меркурий слушал в наушниках тишину в коридоре института.

— Сколько у нас времени? — Шесть дней. Потом приедет тот, кого не зовут дважды.

Перевод — это всегда немного измена; вопрос был только в допустимой доле.

На полу лежал коврик, стёртый до основы. Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

На доске мелом были выписаны частоты и стёрты наполовину. В аппаратной пахло пылью и нагретым металлом.

Костя писал в журнал дежурств на дежурстве.

— Это конец? — Это переписка. У переписки не бывает конца, бывает пауза.

Молчание в эфире было плотнее любого звука.

В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка. Антенна стояла в поле и слушала небо, как слушают соседа через стену.

Полина слушала в наушниках тишину в кабинете куратора.

— Почему оно говорит с вами, а не с нами? — Потому что я отвечаю.

Всё, что они слышали, было частной перепиской, и они читали её без разрешения.

В углу стояла коробка с лентами, подписанная «восемьдесят третий, не стирать». Запись закончилась в 03:47, и никто не хотел первым выключать лампу.

Пометка на полях:

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её перево-

дить.

Проверить: у Венера пауза 00:11 перед словом «слышу» — не случайность.

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Венера.

Наблюдение: Венера отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

Из тетради перевода, лист 5. Знаки: 21. Слова: 4. Не относится к делу: 00:04. Пометка: «адресат» и «слушатель» в языке Снегирёва — разные слова.

Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

В наушниках шуршало так, будто кто-то перелистывал газету очень далеко. За окном шёл дождь и стучал по жестяному козырьку.

Земля ходила по коридору из угла в угол в комнате отдыха.

— И что мы скажем Совету? — Скажем про людей. Про нас, а не про нашу боль.

В этой комнате говорили шёпотом, будто боялись разбудить небо.

Часы на стене отставали на семь минут, и это всех устраивало. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

Глава 2. Переводчица мёртвых языков

Про Полину на кафедре говорили: «Штерн читает то, что никто не написал». Это была не совсем шутка. Её специальность называлась «дешифровка и интерпретация письменных памятников», а на практике означала вот что: приходит коробка с черепками, на черепках — царапины, и надо понять, что человек имел в виду, когда эти царапины делал. Иногда удавалось. Иногда через двадцать лет находился другой черепок, и оказывалось, что двадцать лет ты читал не молитву, а список долгов.

Полина любила эту работу за честность. Мёртвый язык не мог соврать о своём состоянии: он был мёртв, и это снимало с него все обязательства. Он не обижался, если его понимали неправильно. Не требовал, чтобы его поняли именно так, как он хотел. Не начинал говорить быстрее, когда видел, что собеседник устал.

С живыми было сложнее. С живыми Полина обычно молчала, и коллеги считали её высокомерной, а на самом деле она просто ждала паузу, потому что в паузе человек говорит правду.

Отец её, Марк Ильич Штерн, был астрономом. Он работал в Пулкове, потом в Иркутске, потом опять в Пулкове,

и вся его жизнь состояла из ночей, которые он проводил с людьми, чьё главное свойство было — светить далеко и не отвечать. Он умер в две тысячи девятом, в феврале, в очереди в аптеку, и последнее, что он сказал аптекарше, потому что до конца оставался человеком старой школы, — «мне, пожалуйста, без рецепта, я тут рядом живу».

После него осталось три вещи: библиотека, деревянная линейка с делениями, которых не бывает, и дневник. Дневник Полина не читала. Он лежал в коробке из-под обуви, обвязанный бечёвкой, и Полина знала, что там, и не хотела туда.

Дело в том, что отец в последние годы говорил странное. Не безумное — странное. Он говорил, что планеты не молчат. Что если слушать не импульсы, а промежутки между импульсами, то в промежутках обнаруживается речь. Что у речи этой долгий такт, потому что у говорящих долгая жизнь, и что человек, у которого жизнь короткая, слышит её как погоду — как гром, который «просто гремит».

На кафедре к этому относились с той бережностью, с какой относятся к чужим родителям: кивали, наливали чай, а после его ухода говорили, что старик, в общем-то, всю жизнь был на границе нормы.

Когда Полину в сентябре вызвали в кабинет и сказали: «Есть проект, нужен дешифровщик, вы же у нас по мёртвым», — она подумала: шутка. Потом посмотрела на бумагу и увидела гриф. Потом увидела подпись академика Грин-

берга, и вот тут стало не смешно, потому что Гринберг был единственным человеком в стране, который после похорон отца сказал ей не «соболезную», а «он был прав в постановке задачи, и это важнее, чем всё остальное», и потом тридцать секунд молчал так, что у неё внутри что-то сдвинулось.

Обсерватория пахла железом и валенками. В коридоре висела схема, нарисованная в семьдесят девятом году, и на схеме был телескоп, похожий на огромную белую тарелку, поставленную на бок. В столовой кормили макаронами с подливой, которую все называли «научная», а Константин Дудник — «материальная».

— Почему? — спросила Полина в первый день.

— Потому что она объясняет всё, — сказал он. — Непонятно, почему я тут работаю. Подлива.

Аркадий Ильич Гринберг ходил по территории в тулупе и с палкой, у которой был свой характер — она ехала по наледи вбок, а он к этому приноровился и шёл зигзагом, что со стороны выглядело как танец человека, которому уже всё равно.

— Полина Марковна, — сказал он на третий день, когда она принесла ему первый разбор спектра, — вы уверены, что это не сложение сигналов?

— Нет, — сказала она.

Он поднял брови.

— Я не могу быть уверена, — сказала она. — Но я знаю, как выглядит сложение. У него нет намерения. А здесь есть

намерение.

— С чего вы взяли?

Полина положила перед ним распечатку и обвела карандашом место, где в спектре было две паузы подряд, разделённые коротким всплеском.

— Вот, — сказала она. — Он говорит. Потом останавливается. Но остановка у него не как у нас: у него в остановке есть ещё полоска, тонкая. Это как если человек молчит, но при этом держит рот открытым. Это значит — «я не договорил, я жду, что скажешь ты».

Гринберг смотрел на распечатку долго. Потом сказал:

— Знаете, что самое страшное в нашей работе?

— Что всё это шум?

— Что всё это не шум, — сказал академик и заговорил очень тихо, потому что в комнате был микрофон. — Я тридцать лет прихожу к этой цифре. Тридцать лет. Я её показываю людям, а люди говорят: сложение сигналов. И я соглашаюсь, потому что я учёный, а учёный не может говорить «я слышу голос». Учёный говорит: сигнал с аномальной структурой.

— А вы слышите?

— Я слышу, — сказал Гринберг, — что кто-то очень долго и очень вежливо не даёт мне ответить. И знаете, что я сделал в восемьдесят третьем, когда мне было двадцать девять?

— Что?

— Я ответил, — сказал он. — И мне пришли две бумаги:

подписка о неразглашении, а вторую я до сих пор не понимаю, потому что в ней было написано про состояние здоровья. У меня подписка про неразглашение здоровья. Полина Марковна, вы понимаете, насколько это красивая формулировка?

Полина понимала. Ей было тридцать четыре, и она уже слышала эту формулировку в своей жизни — не про себя, про отца.

Восьмого декабря в двадцать минут третьего ночи полосы в спектре встали в порядок. Не в ровный — генералы потом просили её сделать график «ровненько», чтобы можно было повесить в кабинете, — а в тот порядок, который бывает у многогласного разговора, где один наконец замолчал и остальные это заметили.

Полина включила запись, поставила наушники, положила перед собой блокнот и написала в верхнем углу страницы: «Слушание №1. Девятое декабря. Смена принимает, кто может».

В спектре было падение. Потом длинное ровное дыхание. Потом — обращение.

Оно шло к самому близкому телу, и в нём не было ни восторга, ни ужаса, ни того акцента, который люди ставят на слово «планета». В нём было раздражение.

«Дети, — сказал голос. — Дети, которые сверлят. Вы опять начали на меня ставить пики».

Полина подняла голову и посмотрела в тёмное окно. За

окном на высоте трёх тысяч метров снег лежал на всём, до чего можно было дотянуться взглядом, а за снегом было то, о чём это говорилось, и оно сказало «вы опять» так, как говорит человек, у которого соседи сверлят стену каждую субботу.

— Костя, — сказала она.

— Мм?

— Напиши в журнал: контакт установлен. И потом иди сюда, я хочу, чтобы ты видел, как я это делаю.

— А что мы делаем?

— Мы извиняемся, — сказала Полина. — Мне кажется, первый контакт в истории глуп, если начинать его с заявления о себе. Первый контакт в истории должен начинаться с «простите, мы не знали, что вам слышно».

«Нептун, я не знала, как это сказать, поэтому пишу: твой отец был прав, и это не утешение, а факт».

Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

Пометка на полях:

Сегодня впервые за месяц никто не сказал слово «сигнал».

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

Сверила с тетрадью отца: та же пауза, только на 13 лет раньше.

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю,

что вращение не умеет ждать.

В столовой продавали чай за три копейки и не спрашивали про сдачу. В архиве было холодно, и картон пах пылью и старым клеем.

Гринберг правил стенограмму в поле у кабеля.

— Вы понимаете, что это невозможно? — Понимаю. Но оно говорит, а я слышу, и это два факта.

Она впервые задумалась, что адресат — не тот, кто услышит, а тот, кто ответит.

Свет от монитора падал на лица так, что все казались моложе и усталее сразу. Запись закончилась в 22:58, и никто не хотел первым выключать лампу.

На доске мелом были выписаны частоты и стёрты наполовину. В коридоре гудел трансформатор, и от этого гуда болели зубы.

Уран ходил по коридору из угла в угол у доски с расчётами.

— Откуда ты знаешь, что оно устало? — По паузам. Уставшие говорят короче.

Костя верил в свои наушники и в этом был сильнее многих.

На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка. Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

«Уран, приезжай. Я плохо сплю и хочу услышать, как ты говоришь, а не как ты пишешь».

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Техническая сводка № 226. Шумовая температура 21 К, ветер 40 м/с, запись на два носителя. Примечание: при усилении свыше 0 дБ появляется звук, похожий на дыхание.

Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

«Юпитер, на работе говорят, что ты занимаешься ерундой. Я отвечаю, что ерунда — это то, что не отвечает».

Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

В аппаратной пахло пылью и нагретым металлом. Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал.

Нептун курил на ветру в аппаратной.

— Снегирёва, вы уверены, что это не наша аппаратура? — Уверена. Аппаратура не умеет быть вежливой.

Смысл собирался медленно, как изображение в старом телевизоре.

Самописец выводил линию, и линия была ровной, как чужая совесть. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

Антенна стояла в поле и слушала небо, как слушают соседа через стену. В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд.

Юпитер заваривал чай в машине на трассе.

— Сколько у нас времени? — Шесть дней. Потом приедет

тот, кого не зовут дважды.

Куратор понимала, что пишет отчёт о том, чего не существует, и делала это хорошо.

В термосе оставалось на два глотка. Запись закончилась в 03:05, и никто не хотел первым выключать лампу.

«Земля, если ты читаешь это, значит, я всё-таки отдал дневник. Не суди строго: он слышал раньше всех».

Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

Опись лент, коробка 366. Лент: 8. Из них подлежит восстановлению: 12. Остальные — «не стирать».

Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

Стенограмма, лист 172. Полина: «у стола с тетрадями — не место, это порядок». Реакция присутствующих: двое записали, один вышел в коридор.

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Из тетради:

Наблюдение: Сатурн отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Сатурн.

Знак: повтор с периодом около ста лет. Слово пока не собирается.

Не относится к делу: Нептун дважды выходил курить и

оба раза извинялся перед антенной.

Из тетради перевода, лист 147. Знаки: 1. Слова: 8. Не относится к делу: 02:40. Пометка: «адресат» и «слушатель» в языке Земля — разные слова.

Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

За окном шёл дождь и стучал по жестяному козырьку. В архиве было холодно, и картон пах пылью и старым клеем.

Венера ставила чайник в столовой.

— Что писать в отчёте? — Правду. Отчёт читают реже, чем вы думаете.

Полина думала, что язык — единственное, что нельзя отобрать, не убив.

В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой. Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

Запись № 425. Тело: Полина. Время: 05:02. Реплик: 1. Отмечено: 00:04. Слышимость устойчивая, помехи не влияют на разборчивость. Перевод предварительный.

Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

«Снегирёва, я не знала, как это сказать, поэтому пишу: твой отец был прав, и это не утешение, а факт».

Запись закончилась в 03:47, и никто не хотел первым выключать лампу.

В углу стояла коробка с лентами, подписанная «восемьде-

сят третий, не стирать». На столе лежали три тетради и ручка без колпачка.

Полина ставила чайник у самописца.

— Это можно выключить? — Можно. Только это не выключается, оно замолкает.

Отец тридцать лет говорил одно и то же, и его слушали как погоду.

В столовой продавали чай за три копейки и не спрашивали про сдачу. Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

В коридоре гудел трансформатор, и от этого гуда болели зубы. Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал.

Марс ходил по коридору из угла в угол в коридоре института.

— Это конец? — Это переписка. У переписки не бывает конца, бывает пауза.

Всё, что они слышали, было частной перепиской, и они читали её без разрешения.

В журнале дежурств стояла подпись, разобрать которую не смог бы и автор. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

Протокол сеанса № 157. Слушали Снегирёва. Решено: считать обращение речью условно, до Ревизии. Особое мнение: куратор возражает против слова «условно», но подписывает.

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Техническая сводка № 167. Шумовая температура 1 К, ветер 118 м/с, запись на два носителя. Примечание: при усилении свыше 0 дБ появляется звук, похожий на дыхание.

Запись закончилась в 03:05, и никто не хотел первым выключать лампу.

На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка. На доске мелом были выписаны частоты и стёрты наполовину.

Снегирёва вытирала пыль с аппарата в посёлке у магазина.

— И что мы скажем Совету? — Скажем про людей. Про нас, а не про нашу боль.

Новость о говорящих соседях дойдёт до людей через кружки быстрее, чем через отчёты.

Самописец выводил линию, и линия была ровной, как чужая совесть. Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

На полу лежал коврик, стёртый до основы. Свет от монитора падал на лица так, что все казались моложе и усталее сразу.

Костя курил на ветру в столовой.

— Почему оно говорит с вами, а не с нами? — Потому что я отвечаю.

Она впервые задумалась, что адресат — не тот, кто услышит, а тот, кто ответит.

Антенна стояла в поле и слушала небо, как слушают со-

седа через стену. Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

Опись лент, коробка 454. Лент: 8. Из них подлежит восстановлению: 34. Остальные — «не стирать».

Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

В термосе оставалось на два глотка. В столовой продавали чай за три копейки и не спрашивали про сдачу.

Земля смотрела в спектр у трансформаторной будки.

— Откуда ты знаешь, что оно устало? — По паузам. Уставшие говорят короче.

Смысл собирался медленно, как изображение в старом телевизоре.

В углу стояла коробка с лентами, подписанная «восемьдесят третий, не стирать». В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Из рабочей тетради:

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

Сверила с тетрадью отца: та же пауза, только на 21 лет раньше.

Из тетради:

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю, что вращение не умеет ждать.

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Сатурн.

Сегодня впервые за месяц никто не сказал слово «сигнал».

Наблюдение: Сатурн отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

Проверить: у Сатурн пауза 11:20 перед словом «слышу» — не случайность.

За окном шёл дождь и стучал по жестяному козырьку. В наушниках шуршало так, будто кто-то перелистывал газету очень далеко.

Юпитер считал паузы у доски с расчётами.

— Сколько у нас времени? — Шесть дней. Потом приедет тот, кого не зовут дважды.

Куратор понимала, что пишет отчёт о том, чего не существует, и делала это хорошо.

Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой. Часы на стене отставали на семь минут, и это всех устраивало.

Уран пересчитывал знаки в столовой.

— Ты спал хоть час? — Час. Спал. Это был хороший час.

Перевод — это всегда немного измена; вопрос был только в допустимой доле.

В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд. Запись закончилась в 02:40, и никто не хотел первым выключать лампу.

В архиве было холодно, и картон пах пылью и старым клеем. Самописец выводил линию, и линия была ровной, как чужая совесть.

Гринберг разговаривал с дежурным у стола с тетрадями.

— Что писать в отчёте? — Правду. Отчёт читают реже, чем вы думаете.

Отец тридцать лет говорил одно и то же, и его слушали как погоду.

Антенна стояла в поле и слушала небо, как слушают соседа через стену. Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

Стенограмма, лист 308. Гринберг: «в аппаратной — не место, это порядок». Реакция присутствующих: двое записали, один вышел в коридор.

Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

Запись № 142. Тело: Сатурн. Время: 22:58. Реплик: 8. Отмечено: 00:41. Слышимость устойчивая, помехи не влияют на разборчивость. Перевод предварительный.

Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка. В термосе оставалось на два глотка.

Меркурий искал нужную папку на дежурстве.

— Меркурий, вы уверены, что это не наша аппаратура? — Уверена. Аппаратура не умеет быть вежливой.

Каждое тело говорило о своём, но все — о том, что их касались без спроса.

В журнале дежурств стояла подпись, разобрать которую не смог бы и автор. Запись закончилась в 05:02, и никто не хотел первым выключать лампу.

В столовой продавали чай за три копейки и не спрашивали про сдачу. На полу лежал коврик, стёртый до основы.

Марс смотрел на часы в архиве.

— Вы понимаете, что вас снимут? — Понимаю. Стенограмма останется.

В этой комнате говорили шёпотом, будто боялись разбудить небо.

Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

«Костя, я слушаю запись восьмидесятого года и не могу перестать думать: они ждали тридцать лет».

Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

На столе лежали три тетради и ручка без колпачка. В коридоре гудел трансформатор, и от этого гуда болели зубы.

Сатурн пересчитывал знаки в коридоре института.

— И что мы скажем Совету? — Скажем про людей. Про

нас, а не про нашу боль.

Полина думала, что язык — единственное, что нельзя отобрать, не убив.

Часы на стене отставали на семь минут, и это всех устраивало. Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

Запись в блокноте:

Не относится к делу: Меркурий дважды выходил курить и оба раза извинялся перед антенной.

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

Из тетради:

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю, что вращение не умеет ждать.

Сегодня впервые за месяц никто не сказал слово «сигнал».

Наблюдение: Юпитер отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

Не относится к делу: Уран дважды выходил курить и оба раза извинялся перед антенной.

Докладная записка. Прошу разрешить доступ к архиву восемьдесят третьего года. Основание: в записи Сатурн в 03:47 встречается та же пауза, что в отцовском спектре.

Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как

смотрят на человека.

В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой. За окном шёл дождь и стучал по жестяному козырьку.

Снегирёва перематывала ленту на лестнице.

— Откуда ты знаешь, что оно устало? — По паузам. Уставшие говорят короче.

Всё, что они слышали, было частной перепиской, и они читали её без разрешения.

В углу стояла коробка с лентами, подписанная «восемьдесят третий, не стирать». Запись закончилась в 03:05, и никто не хотел первым выключать лампу.

Техническая сводка № 252. Шумовая температура 0 К, ветер 5 м/с, запись на два носителя. Примечание: при усилении свыше 34 дБ появляется звук, похожий на дыхание.

Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

Стенограмма, лист 195. Меркурий: «на лестнице — не место, это порядок». Реакция присутствующих: двое записали, один вышел в коридор.

Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

Самописец выводил линию, и линия была ровной, как чужая совесть. Свет от монитора падал на лица так, что все казались моложе и усталее сразу.

Венера ставила чайник на крыше.

— Это опасно? — Опасно не это. Опасно то, что мы уже

начали привыкать.

Новость о говорящих соседях дойдёт до людей через кружки быстрее, чем через отчёты.

В архиве было холодно, и картон пах пылью и старым клеем. Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

В журнале дежурств стояла подпись, разобрать которую не смог бы и автор. Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал.

Полина курила на ветру в кабинете куратора.

— Это можно выключить? — Можно. Только это не выключается, оно замолкает.

Она впервые задумалась, что адресат — не тот, кто услышит, а тот, кто ответит.

На столе лежали три тетради и ручка без колпачка. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Из тетради:

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Снегирёва.

Сверила с тетрадью отца: та же пауза, только на 5 лет раньше.

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю, что вращение не умеет ждать.

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

«Марс, приезжай. Я плохо сплю и хочу услышать, как ты говоришь, а не как ты пишешь».

Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

Из рабочей тетради:

Сегодня впервые за месяц никто не сказал слово «сигнал».

Наблюдение: Уран отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

Знак: повтор с периодом около ста лет. Слово пока не собирается.

Не относится к делу: Снегирёва дважды выходила курить и оба раза извинялсяа перед антенной.

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю, что вращение не умеет ждать.

Пометка на полях:

Сверила с тетрадью отца: та же пауза, только на 2 лет раньше.

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

Проверить: у Уран пауза 00:11 перед словом «слышу» — не случайность.

Наблюдение: Уран отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

Антенна стояла в поле и слушала небо, как слушают соседа через стену. В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд.

Юпитер проверял уровень записи у окна с видом на поле.

— Это конец? — Это переписка. У переписки не бывает конца, бывает пауза.

Молчание в эфире было плотнее любого звука.

Часы на стене отставали на семь минут, и это всех устраивало. Запись закончилась в 02:40, и никто не хотел первым выключать лампу.

В столовой продавали чай за три копейки и не спрашивали про сдачу. В термосе оставалось на два глотка.

Костя перечитывал тетрадь за прошлую неделю в поле у кабеля.

— Вы понимаете, что это невозможно? — Понимаю. Но оно говорит, а я слышу, и это два факта.

Куратор понимала, что пишет отчёт о том, чего не существует, и делала это хорошо.

Самописец выводил линию, и линия была ровной, как чужая совесть. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка. В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой.

Гринберг считал паузы на балконе шестого этажа.

— Ты спал хоть час? — Час. Спал. Это был хороший час.

Перевод — это всегда немного измена; вопрос был только

в допустимой доле.

В аппаратной пахло пылью и нагретым металлом. Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

Запись в блокноте:

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Меркурий.

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

Знак: повтор с периодом около ста лет. Слово пока не собирается.

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю, что вращение не умеет ждать.

Из тетради перевода, лист 310. Знаки: 3. Слова: 11. Не относится к делу: 11:20. Пометка: «адресат» и «слушатель» в языке Костя — разные слова.

Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

В архиве было холодно, и картон пах пылью и старым клеем. За окном шёл дождь и стучал по жестяному козырьку.

Уран спорил с расчётом в архиве.

— Что писать в отчёте? — Правду. Отчёт читают реже, чем вы думаете.

Отец тридцать лет говорил одно и то же, и его слушали как погоду.

На доске мелом были выписаны частоты и стёрты наполо-

вину. Запись закончилась в 02:40, и никто не хотел первым выключать лампу.

Опись лент, коробка 175. Лент: 8. Из них подлежит восстановлению: 5. Остальные — «не стирать».

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Пометка на полях:

Сегодня впервые за месяц никто не сказал слово «сигнал».

Проверить: у Гринберг пауза 11:20 перед словом «слышу» — не случайность.

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

Сверила с тетрадью отца: та же пауза, только на 0 лет раньше.

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Гринберг.

Техническая сводка № 224. Шумовая температура 12 К, ветер 21 м/с, запись на два носителя. Примечание: при усилении свыше 34 дБ появляется звук, похожий на дыхание.

Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

«Костя, на работе говорят, что ты занимаешься ерундой. Я отвечаю, что ерунда — это то, что не отвечает».

Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

Пометка на полях:

Не относится к делу: Снегирёва дважды выходила курить и оба раза извинялсяа перед антенной.

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю, что вращение не умеет ждать.

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

«Сатурн, я не знала, как это сказать, поэтому пишу: твой отец был прав, и это не утешение, а факт».

Запись закончилась в 03:47, и никто не хотел первым выключать лампу.

В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд. В наушниках шуршало так, будто кто-то перелистывал газету очень далеко.

Плутон смотрел на часы у пульта.

— Сколько у нас времени? — Шесть дней. Потом приедет тот, кого не зовут дважды.

Каждое тело говорило о своём, но все — о том, что их касались без спроса.

На полу лежал коврик, стёртый до основы. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Глава 3. Первый голос

Тело, которое говорило, называло себя так: «То, что делает оборот и видит всех по одному разу». Полина потратила два часа, чтобы понять, что это Другое Имя — то, как зовёт себя сам говорящий, а не то, как его называют соседи. Планеты, как выяснилось, не пользовались названиями: названия им дали люди, и по этому поводу они хранили сложное молчание, в котором было три части — снисходительность, обида и привычка.

Меркурий, как его называла астрономия, оказался разговорчив до неприличия. Он говорил с той скоростью, с какой бежит человек, у которого случилось страшное и который, рассказывая, всё время возвращается назад, потому что не верит, что рассказал.

Он сообщил, что его касались металлом сто двенадцать раз, и каждый раз это было «как будто тебя не замечают». Что он самый маленький и от этого у него всё «через край»: он то раскаляется, то застывает, и никого это не устраивает. Что у него нет ни атмосферы, ни воды, ни родственников, которых он мог бы позвать на праздники, и что он не жалуется, а информирует.

— Он жалуется, — сказал Константин.

Они сидели в аппаратной, и у Кости на коленях лежал планшет с распечаткой, а на распечатке был ритм.

— Он информирует, — сказала Полина. — Жалоба с анализом — это уже не жалоба, это отчёт. Он ведёт отчёт.

— Кому?

Полина показала на следующий блок записи.

«Я не прошу ничего, — сказал Меркурий. — Мне нужно, чтобы кто-то один раз сказал: ты очень быстрое. Я не подарок, я предупреждение. Говорю заранее, пока планета не встала на транспорт: если вы не будете ставить свои пики, я буду говорить громче и опять начну про то, как всё раскаляется. Я не угрожаю. Я предоставляю прогноз».

Именно на этой фразе Константин Дудник начал смеяться. Смеялся он скромно, внутренне, держась за стол, но правду говорят, что первым человеком, который понял планеты, был не сотрудник администрации и не министерство, а инженер тридцати девяти лет, который один раз в жизни видел живое инопланетянина, и инопланетянин ему понравился.

Полине первое тело понравилось тоже. В нём была понятность: маленький, быстрый, обидчивый, держит отчёт. Такой человек, который в приёмной сидит в пальто и знает всё лучше всех, и которого никогда не приглашают в кабинет.

Работа её пошла по той дороге, по которой ходили мёртвые языки. Она завела три тетради. В первой были знаки: она рисовала узоры спектра и подписывала их тем, что они делали, — «начал», «не договорил», «обрадовался», «пошёл на попятную». Во второй были слова: не звуки, а смыслы,

которые она узнавала по поведению всего узора. Третья была самая тонкая, и в ней Полина писала то, что не могла отнести к делу: о том, например, что у планеты, которая говорит очень медленно, есть пауза длиной в сутки, и в этой паузе она, кажется, отдыхает, как человек, который выдохнул и смотрит в стену.

Распознать голом было восемь, но в первые двое суток Полина смогла уверенно отнести к говорящему только четыре. Пятое определялось плохо: у него был «расщеплённый» голос, как будто говорят сразу много людей, не знающих друг друга и стоящих в очереди. Шестое звучало гулко, с достоинством и с очень длинными словами. Седьмое почти не говорило, но в его молчании было столько же содержания, сколько в речи.

А восьмое...

Восьмое Полина назвала в блокноте «Рядом» — до тех пор, пока не узнала, что оно называется иначе.

Оно говорило на другом языке.

Точнее, оно говорило на том же, но как будто с зажатым ртом, и в его фразы прорывалась не речь, а слова второго порядка — те, что в нормальной речи стоят вместо паузы. Полина слышала это в храмовнических текстах: когда человек говорит, а потом, испугавшись, что сказал лишнее, добавляет ровно одну фразу, которая никак не связана с темой, просто чтобы увести разговор. Такой приём.

«Рядом» делало это постоянно.

— Мне кажется, оно что-то скрывает, — сказал Константин.

— Мне кажется, оно говорит за кого-то, — сказала Полина. — И очень боится сказать лишнее.

Она отмотала запись, нашла нужный блок и включила.

«Тело, которое делает оборот», — сказало «Рядом» с той осторожной вежливостью, с какой сообщают плохие новости человеку, который и без того стоит на карнизе. И потом, после паузы: «Здесь сегодня опять много шума. Мне кажется, тебе надо быть короче. Я говорю без приказа, я просто думаю о тебе. И вообще, скажи, что у тебя с пятном?»

— Вот, — сказала Полина. — Видишь? «И вообще, скажи, что у тебя с пятном». Это не вопрос. Это попытка сменить тему, чтобы не отвечать.

— Пятно — это лунное море? — спросил Костя. — Она спрашивает про море?

— Она спрашивает про северное полушарие, — сказала Полина. — Там на Земле сейчас зима. И там, где она спрашивает, сейчас ночь, и люди спят. Она спрашивает не про море.

Позже, много позже, когда всё уже кончилось и выкатили папку с согласованной формулировкой для прессы, Полина перечитала свою запись от девятого декабря и нашла там строчку, которую тогда не заметила. «Рядом» сказало: «Я не могу сегодня громко. Я на самом деле не могу».

Оно уже тогда просило о чём-то. Оно просило, чтобы её

не заставляли говорить.

Из тетради:

Знак: повтор с периодом около ста лет. Слово пока не собирается.

Проверить: у Полина пауза 00:04 перед словом «слышу» — не случайность.

Наблюдение: Полина отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

Не относится к делу: Юпитер дважды выходил курить и оба раза извинялся перед антенной.

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

«Сатурн, я слушаю запись восьмидесятого года и не могу перестать думать: они ждали тридцать лет».

Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

Запись в блокноте:

Сегодня впервые за месяц никто не сказал слово «сигнал».

Знак: повтор с периодом около ста лет. Слово пока не собирается.

Проверить: у Уран пауза 00:11 перед словом «слышу» — не случайность.

Наблюдение: Уран отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю,

что вращение не умеет ждать.

В термосе оставалось на два глотка. В коридоре гудел трансформатор, и от этого гуда болели зубы.

Венера проверяла кабели у стола с тетрадями.

— И что мы скажем Совету? — Скажем про людей. Про нас, а не про нашу боль.

Новость о говорящих соседях дойдёт до людей через кружки быстрее, чем через отчёты.

В журнале дежурств стояла подпись, разобрать которую не смог бы и автор. Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

На столе лежали три тетради и ручка без колпачка. В углу стояла коробка с лентами, подписанная «восемьдесят третий, не стирать».

Марс смотрел в спектр на лестнице.

— Это можно выключить? — Можно. Только это не выключается, оно замолкает.

Всё, что они слышали, было частной перепиской, и они читали её без разрешения.

Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал. Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

«Полина, если ты читаешь это, значит, я всё-таки отдал дневник. Не суди строго: он слышал раньше всех».

Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

«Плутон, приезжай. Я плохо сплю и хочу услышать, как ты говоришь, а не как ты пишешь».

Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка. В архиве было холодно, и картон пах пылью и старым клеем.

Земля проверяла уровень записи у доски с расчётами.

— Это конец? — Это переписка. У переписки не бывает конца, бывает пауза.

В этой комнате говорили шёпотом, будто боялись разбудить небо.

В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд. Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой. Свет от монитора падал на лица так, что все казались моложе и усталее сразу.

Меркурий вытирал пыль с аппарата у доски с расчётами.

— Это опасно? — Опасно не это. Опасно то, что мы уже начали привыкать.

Смысл собирался медленно, как изображение в старом телевизоре.

В термосе оставалось на два глотка. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Часы на стене отставали на семь минут, и это всех устраивало. На полу лежал коврик, стёртый до основы.

Полина ставила чайник у самописца.

— Почему оно говорит с вами, а не с нами? — Потому что я отвечаю.

Она впервые задумалась, что адресат — не тот, кто услышит, а тот, кто ответит.

В наушниках шуршало так, будто кто-то перелистывал газету очень далеко. Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

Запись в блокноте:

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Гринберг.

Не относится к делу: Сатурн дважды выходил курить и оба раза извинялся перед антенной.

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

Антенна стояла в поле и слушала небо, как слушают соседа через стену. На столе лежали три тетради и ручка без колпачка.

Гринберг проверял кабели в столовой.

— Откуда ты знаешь, что оно устало? — По паузам. Уставшие говорят короче.

Перевод — это всегда немного измена; вопрос был только в допустимой доле.

На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

Запись № 288. Тело: Нептун. Время: 05:02. Реплик: 34. Отмечено: 00:11. Слышимость устойчивая, помехи не влияют на разборчивость. Перевод предварительный.

Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

«Полина, я не знала, как это сказать, поэтому пишу: твой отец был прав, и это не утешение, а факт».

Запись закончилась в 01:12, и никто не хотел первым выключать лампу.

В столовой продавали чай за три копейки и не спрашивали про сдачу. В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд.

Снегирёва смотрела на часы у самописца.

— Что писать в отчёте? — Правду. Отчёт читают реже, чем вы думаете.

Отец тридцать лет говорил одно и то же, и его слушали как погоду.

Самописец выводил линию, и линия была ровной, как чужая совесть. Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

Стенограмма, лист 355. Земля: «в посёлке у магазина — не место, это порядок». Реакция присутствующих: двое записали, один вышел в коридор.

Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

«Костя, на работе говорят, что ты занимаешься ерундой.

Я отвечаю, что ерунда — это то, что не отвечает».

Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

В аппаратной пахло пылью и нагретым металлом. За окном шёл дождь и стучал по жестяному козырьку.

Костя смотрел в спектр у самописца.

— Вы понимаете, что это невозможно? — Понимаю. Но оно говорит, а я слышу, и это два факта.

Куратор понимала, что пишет отчёт о том, чего не существует, и делала это хорошо.

В коридоре гудел трансформатор, и от этого гуда болели зубы. Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой. Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал.

Марс слушал в наушниках тишину у стола с тетрадями.

— Ты спал хоть час? — Час. Спал. Это был хороший час.

Всё, что они слышали, было частной перепиской, и они читали её без разрешения.

В наушниках шуршало так, будто кто-то перелистывал газету очень далеко. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

«Юпитер, если ты читаешь это, значит, я всё-таки отдал дневник. Не суди строго: он слышал раньше всех».

Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не

стирать».

Опись лент, коробка 23. Лент: 4. Из них подлежит восстановлению: 5. Остальные — «не стирать».

Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

«Костя, приезжай. Я плохо сплю и хочу услышать, как ты говоришь, а не как ты пишешь».

Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

На полу лежал коврик, стёртый до основы. В углу стояла коробка с лентами, подписанная «восемьдесят третий, не стирать».

Земля слушала в наушниках тишину в архиве.

— Сколько у нас времени? — Шесть дней. Потом приедет тот, кого не зовут дважды.

Молчание в эфире было плотнее любого звука.

В термосе оставалось на два глотка. Запись закончилась в 04:19, и никто не хотел первым выключать лампу.

Часы на стене отставали на семь минут, и это всех устраивало. В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд.

Венера пересчитывала знаки в кабинете куратора.

— И что мы скажем Совету? — Скажем про людей. Про нас, а не про нашу боль.

Смысл собирался медленно, как изображение в старом телевизоре.

Антенна стояла в поле и слушала небо, как слушают соседа через стену. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

В журнале дежурств стояла подпись, разобрать которую не смог бы и автор. Самописец выводил линию, и линия была ровной, как чужая совесть.

Плутон смотрел на часы у самописца.

— Полина, вы уверены, что это не наша аппаратура? — Уверена. Аппаратура не умеет быть вежливой.

Новость о говорящих соседях дойдёт до людей через кружки быстрее, чем через отчёты.

На столе лежали три тетради и ручка без колпачка. Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

В коридоре гудел трансформатор, и от этого гуда болели зубы. Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал.

Сатурн спорил с расчётом в коридоре института.

— Это можно выключить? — Можно. Только это не выключается, оно замолкает.

В этой комнате говорили шёпотом, будто боялись разбудить небо.

На полу лежал коврик, стёртый до основы. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

Из тетради перевода, лист 137. Знаки: 5. Слова: 1. Не относится к делу: 00:11. Пометка: «адресат» и «слушатель» в

языке Костя — разные слова.

Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

«Юпитер, я слушаю запись восьмидесятого года и не могу перестать думать: они ждали тридцать лет».

Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка. В наушниках шуршало так, будто кто-то перелистывал газету очень далеко.

Полина смотрела на часы в кабинете куратора.

— Это конец? — Это переписка. У переписки не бывает конца, бывает пауза.

Костя верил в свои наушники и в этом был сильнее многих.

На доске мелом были выписаны частоты и стёрты наполовину. Запись закончилась в 05:02, и никто не хотел первым выключать лампу.

В аппаратной пахло пылью и нагретым металлом. За окном шёл дождь и стучал по жестяному козырьку.

Гринберг заваривал чай на балконе шестого этажа.

— Вы понимаете, что вас снимут? — Понимаю. Стенограмма останется.

Куратор понимала, что пишет отчёт о том, чего не существует, и делала это хорошо.

Свет от монитора падал на лица так, что все казались мо-

ложе и усталее сразу. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

В архиве было холодно, и картон пах пылью и старым клеем. В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой.

Снегирёва вытирала пыль с аппарата в машине на трассе.

— Это опасно? — Опасно не это. Опасно то, что мы уже начали привыкать.

Каждое тело говорило о своём, но все — о том, что их касались без спроса.

В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд. Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

«Снегирёва, я не знала, как это сказать, поэтому пишу: твой отец был прав, и это не утешение, а факт».

Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

Из тетради:

Проверить: у Нептун пауза 38 минут перед словом «слышу» — не случайность.

Сверила с тетрадью отца: та же пауза, только на 17 лет раньше.

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю, что вращение не умеет ждать.

Докладная записка. Прошу разрешить доступ к архиву во-

семьдесят третьего года. Основание: в записи Уран в 23:31 встречается та же пауза, что в отцовском спектре.

Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

Протокол сеанса № 80. Слушали Земля. Решено: считать обращение речью условно, до Ревизии. Особое мнение: куратор возражает против слова «условно», но подписывает.

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

«Сатурн, если ты читаешь это, значит, я всё-таки отдал дневник. Не суди строго: он слышал раньше всех».

Запись закончилась в 23:31, и никто не хотел первым выключать лампу.

«Нептун, приезжай. Я плохо сплю и хочу услышать, как ты говоришь, а не как ты пишешь».

Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

В журнале дежурств стояла подпись, разобрать которую не смог бы и автор. Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал.

Юпитер разговаривал с дежурным в кабинете куратора.

— Откуда ты знаешь, что оно устало? — По паузам. Уставшие говорят короче.

Отец тридцать лет говорил одно и то же, и его слушали как погоду.

На столе лежали три тетради и ручка без колпачка. Плёнку

перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

В термосе оставалось на два глотка. На доске мелом были выписаны частоты и стёрты наполовину.

Уран проверял кабели у самописца.

— И что мы скажем Совету? — Скажем про людей. Про нас, а не про нашу боль.

Молчание в эфире было плотнее любого звука.

Самописец выводил линию, и линия была ровной, как чужая совесть. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Из тетради:

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Венера.

Не относится к делу: Нептун дважды выходил курить и оба раза извинялся перед антенной.

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

Проверить: у Венера пауза 02:40 перед словом «слышу» — не случайность.

В наушниках шуршало так, будто кто-то перелистывал газету очень далеко. Часы на стене отставали на семь минут, и это всех устраивало.

Плутон заваривал чай в архиве.

— Почему оно говорит с вами, а не с нами? — Потому что я отвечаю.

Перевод — это всегда немного измена; вопрос был только

в допустимой доле.

В столовой продавали чай за три копейки и не спрашивали про сдачу. Запись закончилась в 05:02, и никто не хотел первым выключать лампу.

В аппаратной пахло пылью и нагретым металлом. Свет от монитора падал на лица так, что все казались моложе и усталее сразу.

Нептун проверял уровень записи у трансформаторной будки.

— Сколько у нас времени? — Шесть дней. Потом приедет тот, кого не зовут дважды.

Всё, что они слышали, было частной перепиской, и они читали её без разрешения.

В коридоре гудел трансформатор, и от этого гуда болели зубы. Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

Из рабочей тетради:

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

Знак: повтор с периодом около ста лет. Слово пока не собирается.

Сверила с тетрадью отца: та же пауза, только на 13 лет раньше.

Наблюдение: Земля отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

Пометка на полях:

Не относится к делу: Костя дважды выходил курить и оба раза извинялся перед антенной.

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Марс.

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

Проверить: у Марс пауза 00:04 перед словом «слышу» — не случайность.

«Юпитер, на работе говорят, что ты занимаешься ерундой. Я отвечаю, что ерунда — это то, что не отвечает».

Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой. На полу лежал коврик, стёртый до основы.

Костя ходил по коридору из угла в угол у окна с видом на поле.

— Что писать в отчёте? — Правду. Отчёт читают реже, чем вы думаете.

Она впервые задумалась, что адресат — не тот, кто услышит, а тот, кто ответит.

На столе лежали три тетради и ручка без колпачка. Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал. В архиве было холодно, и картон пах пылью и

старым клеем.

Сатурн перематывал ленту в машине на трассе.

— Плутон, вы уверены, что это не наша аппаратура? — Уверена. Аппаратура не умеет быть вежливой.

Полина думала, что язык — единственное, что нельзя отобрать, не убив.

В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд. Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

«Гринберг, я слушаю запись восьмидесятого года и не могу перестать думать: они ждали тридцать лет».

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Пометка на полях:

Сверила с тетрадью отца: та же пауза, только на 4 лет раньше.

Наблюдение: Марс отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

Знак: повтор с периодом около ста лет. Слово пока не собирается.

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

Стенограмма, лист 103. Снегирёва: «в машине на трассе — не место, это порядок». Реакция присутствующих: двое записали, один вышел в коридор.

Запись закончилась в 02:40, и никто не хотел первым вы-

ключать лампу.

Запись № 266. Тело: Венера. Время: 22:58. Реплик: 2. Отмечено: 11:20. Слышимость устойчивая, помехи не влияют на разборчивость. Перевод предварительный.

Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

«Марс, я не знала, как это сказать, поэтому пишу: твой отец был прав, и это не утешение, а факт».

Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

Опись лент, коробка 298. Лент: 34. Из них подлежит восстановлению: 7. Остальные — «не стирать».

Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

Часы на стене отставали на семь минут, и это всех устраивало. На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка.

Земля слушала в наушниках тишину на дежурстве.

— Вы понимаете, что вас снимут? — Понимаю. Стенограмма останется.

Смысл собирался медленно, как изображение в старом телевизоре.

В журнале дежурств стояла подпись, разобрать которую не смог бы и автор. Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

Антенна стояла в поле и слушала небо, как слушают соседа через стену. За окном шёл дождь и стучал по жестяному

козырьку.

Юпитер курил на ветру в машине на трассе.

— Ты спал хоть час? — Час. Спал. Это был хороший час.

Куратор понимала, что пишет отчёт о том, чего не существует, и делала это хорошо.

В аппаратной пахло пылью и нагретым металлом. Запись закончилась в 02:40, и никто не хотел первым выключать лампу.

Из тетради перевода, лист 464. Знаки: 118. Слова: 0. Не относится к делу: 02:40. Пометка: «адресат» и «слушатель» в языке Гринберг — разные слова.

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Протокол сеанса № 430. Слушали Марс. Решено: считать обращение речью условно, до Ревизии. Особое мнение: куратор возражает против слова «условно», но подписывает.

Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

«Костя, если ты читаешь это, значит, я всё-таки отдал дневник. Не суди строго: он слышал раньше всех».

Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой. На столе лежали три тетради и ручка без колпачка.

Меркурий искал нужную папку на балконе шестого этажа.

— Вы понимаете, что это невозможно? — Понимаю. Но

оно говорит, а я слышу, и это два факта.

Костя верил в свои наушники и в этом был сильнее многих.

На доске мелом были выписаны частоты и стёрты наполовину. Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

Пометка на полях:

Не относится к делу: Марс дважды выходил курить и оба раза извинялся перед антенной.

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Земля.

Проверить: у Земля пауза 00:04 перед словом «слышу» — не случайность.

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю, что вращение не умеет ждать.

Наблюдение: Земля отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

«Снегирёва, на работе говорят, что ты занимаешься ерундой. Я отвечаю, что ерунда — это то, что не отвечает».

Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

«Гринберг, я слушаю запись восьмидесятого года и не могу перестать думать: они ждали тридцать лет».

Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

Глава 4. Протокол

Виктория Андреевна Снегирёва приехала одиннадцатого декабря на трёх машинах, из которых две были одинаковые, и первое, что она сделала, — попросила чаю и похвалила вид.

— У вас тут красиво, — сказала она. — Воздух.

— Воздух разрежённый, — сказал Константин. — Кислорода мало. Мозг страдает.

— Ну, у нас тоже не курорт, — сказала Снегирёва, и Полина поняла, что разговор у них будет ровно такой, какой бывает у людей, которые оба считают себя умнее собеседника.

Снегирёвой было сорок один. Она работала в ведомстве, которое меняло название каждые несколько лет, но не меняло сути: там принимали решения о том, что можно рассказывать, а что нет, и делали это с той тщательностью, с какой делают вещи, которых потом не хочется переделывать. Она привезла с собой три папки, ноутбук и таблицу.

— Итак, — сказала она, раскрыв таблицу. — Объект?

— Не объект, — сказала Полина.

— Полина Марковна, я не спорю с терминологией, я её фиксирую. Объект. Что мы имеем на сегодня?

— Восемь говорящих тел, — сказала Полина. — Семь из них говорят на языке, который я разбираю, но пока плохо.

Восьмое говорит с зажатым ртом и, кажется, живёт в семье, где ему запрещено говорить.

— Говорящие, — сказала Снегирёва, записывая. — Вы понимаете, что вы сейчас сказали?

— Понимаю.

— Что вы сказали «говорящие». Не «источники сигнала». Не «шумовые структуры». Говорящие.

— Они говорят, — сказала Полина. — Я не могу писать в отчёте «шумовые структуры», потому что тогда я обязана буду написать, что шумовые структуры обращаются друг к другу по имени и обсуждают, кто из них старше.

Снегирёва подняла глаза. У неё были очень аккуратные брови, которые она, кажется, рисовала карандашом, и от этого лицо её становилось похоже на документ с печатью.

— Хорошо, — сказала она. — Давайте так. Я не мешаю вам работать. Но я должна вам объяснить, где мы находимся. У нас нет протокола на этот случай. У нас есть протокол на «обнаружение внеземной жизни» — он про бактерии, и он смешной. У нас есть протокол на «обнаружение внеземного разума» — он про сигнал, и в нём написано, что отвечать нельзя, а надо наблюдать. А у нас тут не сигнал. У нас тут, — она посмотрела в окно, где за стеклом ничего не было, кроме снега, — соседи.

— Соседи, — подтвердила Полина.

— И что они делают?

— Ссорятся.

— Из-за чего?

Полина открыла третью тетрадь, ту, где было то, что не относится к делу.

— Из-за нас, — сказала она. — Мы третий месяц обсуждаем один и тот же эпизод. Его можно перевести так: «Они опять начали ставить на меня пики». Пики — это, судя по контексту, наши антенны. Или буровые. Или что-то, что колет. Дальше идёт то, что я перевожу как «это неприлично — трогать тело без спроса». И вот тут начинается интересное: на этой фразе все восемь голосов начинают говорить одновременно, и это не спор. Это...

— Что?

— Это как в коммунальной кухне, — сказала Полина. — Когда кто-то один сказал «а вот у вас в комнате» и все сразу вспомнили, что у них тоже есть что сказать.

Снегирёва дописала и закрыла ноутбук.

— Мне нужно, чтобы вы поняли одну вещь, — сказала она. — Завтра сюда приедут люди, которые будут задавать вам вопросы. Не потому что они злые. Потому что вы — единственный человек, который слышит то, что, по вашему утверждению, говорит вся Солнечная система. Если вы ошибаетесь, мы уволим вас и напишем статью. Если вы правы...

Она сделала паузу, и Полина впервые увидела, что Снегирёва тоже человек.

— Если вы правы, — сказала Виктория Андреевна, — то мы уже опоздали, потому что они говорили всё это время, а

мы не отвечали.

Ночью, когда все уехали и в аппаратной остались только Полина и Константин с его чайником, произошло событие, которое потом назвали «первым контактом», хотя никакого контакта не было: был разговор через замочную скважину.

Двенадцатое декабря, два часа ночи. Седьмое тело, которое почти не говорило, сказало одно слово. Оно было негромким, коротким и очень отчётливым, и Полина, услышав его, выронила ручку.

Слово значило: «слышу».

Оно было адресовано не соседям.

— Костя, — сказала она. — Оно сказало «слышу». Не «я слышу вас». Не «слышу тебя». Просто «слышу», как отвечают на проверку связи.

— Русские радиостанции? — спросил Константин вяло.

— Мы тридцать лет слушаем её и молчим, а она всё это время говорила «слышу», — сказала Полина. — Понимаешь? Тридцать лет. Мы запустили в космос пластинку с голосами, и мы думаем, что это мы начали разговор. А она первая сказала «слышу», и мы не ответили.

Утром она отправила Гринбергу сообщение из четырёх слов: «Аркадий Ильич, она слышит нас».

Он ответил через минуту, что для человека семидесяти четырёх лет, который не любит телефоны, было чудом: «Знаю. Я не знал, что она говорит это всем».

Докладная записка. Прошу разрешить доступ к архиву во-

семьдесят третьего года. Основание: в записи Плутон в 00:26 встречается та же пауза, что в отцовском спектре.

Запись закончилась в 00:26, и никто не хотел первым выключать лампу.

«Меркурий, я не знала, как это сказать, поэтому пишу: твой отец был прав, и это не утешение, а факт».

Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

В термосе оставалось на два глотка. Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал.

Марс курил на ветру в коридоре института.

— Откуда ты знаешь, что оно устало? — По паузам. Уставшие говорят короче.

Новость о говорящих соседях дойдёт до людей через кружки быстрее, чем через отчёты.

На полу лежал коврик, стёртый до основы. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

В углу стояла коробка с лентами, подписанная «восемьдесят третий, не стирать». В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд.

Полина писала в журнал дежурств на лестнице.

— Сколько у нас времени? — Шесть дней. Потом приедет тот, кого не зовут дважды.

Перевод — это всегда немного измена; вопрос был только в допустимой доле.

Антенна стояла в поле и слушала небо, как слушают со-

седа через стену. Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

«Венера, если ты читаешь это, значит, я всё-таки отдал дневник. Не суди строго: он слышал раньше всех».

Запись закончилась в 02:40, и никто не хотел первым выключать лампу.

Самописец выводил линию, и линия была ровной, как чужая совесть. За окном шёл дождь и стучал по жестяному козырьку.

Уран делал пометку на полях у доски с расчётами.

— И что мы скажем Совету? — Скажем про людей. Про нас, а не про нашу боль.

Каждое тело говорило о своём, но все — о том, что их касались без спроса.

В наушниках шуршало так, будто кто-то перелистывал газету очень далеко. Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

Опись лент, коробка 473. Лент: 12. Из них подлежит восстановлению: 2. Остальные — «не стирать».

Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

В аппаратной пахло пылью и нагретым металлом. В коридоре гудел трансформатор, и от этого гуда болели зубы.

Нептун делал пометку на полях у окна с видом на поле.

— Что писать в отчёте? — Правду. Отчёт читают реже, чем вы думаете.

Всё, что они слышали, было частной перепиской, и они читали её без разрешения.

В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой. Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

«Юпитер, на работе говорят, что ты занимаешься ерундой. Я отвечаю, что ерунда — это то, что не отвечает».

Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

Из тетради перевода, лист 310. Знаки: 21. Слова: 8. Не относится к делу: 00:11. Пометка: «адресат» и «слушатель» в языке Плутон — разные слова.

Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

Из рабочей тетради:

Знак: повтор с периодом около ста лет. Слово пока не собирается.

Сегодня впервые за месяц никто не сказал слово «сигнал».

Не относится к делу: Меркурий дважды выходил курить и оба раза извинялся перед антенной.

Сверила с тетрадью отца: та же пауза, только на 5 лет раньше.

Проверить: у Костя пауза 11:20 перед словом «слышу» — не случайность.

Запись № 325. Тело: Сатурн. Время: 22:58. Реплик: 21.

Отмечено: 00:41. Слышимость устойчивая, помехи не влияют на разборчивость. Перевод предварительный.

Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка. Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал.

Гринберг проверял уровень записи у стола с тетрадями.

— Это конец? — Это переписка. У переписки не бывает конца, бывает пауза.

Отец тридцать лет говорил одно и то же, и его слушали как погоду.

Свет от монитора падал на лица так, что все казались моложе и усталее сразу. Запись закончилась в 04:19, и никто не хотел первым выключать лампу.

В термосе оставалось на два глотка. В столовой продавали чай за три копейки и не спрашивали про сдачу.

Костя смотрел в спектр на лестнице.

— Это опасно? — Опасно не это. Опасно то, что мы уже начали привыкать.

Молчание в эфире было плотнее любого звука.

На полу лежал коврик, стёртый до основы. Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд. В наушниках шуршало так, будто кто-то перелистывал газету очень далеко.

Земля заваривала чай у самописца.

— Вы понимаете, что это невозможно? — Понимаю. Но оно говорит, а я слышу, и это два факта.

Полина думала, что язык — единственное, что нельзя отобрать, не убив.

На доске мелом были выписаны частоты и стёрты наполовину. Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

В коридоре гудел трансформатор, и от этого гуда болели зубы. В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой.

Венера искала нужную папку у доски с расчётами.

— Вы понимаете, что вас снимут? — Понимаю. Стенограмма останется.

Смысл собирался медленно, как изображение в старом телевизоре.

Антенна стояла в поле и слушала небо, как слушают соседа через стену. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

В журнале дежурств стояла подпись, разобрать которую не смог бы и автор. В архиве было холодно, и картон пах пылью и старым клеем.

Сатурн смотрел на часы у пульта.

— Это можно выключить? — Можно. Только это не выключается, оно замолкает.

В этой комнате говорили шёпотом, будто боялись разбудить небо.

На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка. Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

В аппаратной пахло пылью и нагретым металлом. За окном шёл дождь и стучал по жестяному козырьку.

Снегирёва перематывала ленту в комнате отдыха.

— Уран, вы уверены, что это не наша аппаратура? — Уверена. Аппаратура не умеет быть вежливой.

Она впервые задумалась, что адресат — не тот, кто услышит, а тот, кто ответит.

В углу стояла коробка с лентами, подписанная «восемьдесят третий, не стирать». Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

Запись в блокноте:

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю, что вращение не умеет ждать.

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

Сегодня впервые за месяц никто не сказал слово «сигнал».

В столовой продавали чай за три копейки и не спрашивали про сдачу. В термосе оставалось на два глотка.

Нептун ходил по коридору из угла в угол в архиве.

— И что мы скажем Совету? — Скажем про людей. Про нас, а не про нашу боль.

Куратор понимала, что пишет отчёт о том, чего не суще-

ствует, и делала это хорошо.

В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Стенограмма, лист 289. Полина: «у доски с расчётами — не место, это порядок». Реакция присутствующих: двое записали, один вышел в коридор.

Запись закончилась в 01:12, и никто не хотел первым выключать лампу.

Запись в блокноте:

Наблюдение: Марс отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

Сверила с тетрадью отца: та же пауза, только на 1 лет раньше.

Знак: повтор с периодом около ста лет. Слово пока не собирается.

Не относится к делу: Снегирёва дважды выходила курить и оба раза извинялсяа перед антенной.

Из рабочей тетради:

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю, что вращение не умеет ждать.

Проверить: у Снегирёва пауза 00:11 перед словом «слышу» — не случайность.

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами.

Проверить на Снегирёва.

Из тетради:

Наблюдение: Юпитер отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

Не относится к делу: Сатурн дважды выходил курить и оба раза извинялся перед антенной.

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

Сегодня впервые за месяц никто не сказал слово «сигнал».

«Плутон, приезжай. Я плохо сплю и хочу услышать, как ты говоришь, а не как ты пишешь».

Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал. В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой.

Марс смотрел в спектр у антенны.

— Ты спал хоть час? — Час. Спал. Это был хороший час.

Костя верил в свои наушники и в этом был сильнее многих.

В наушниках шуршало так, будто кто-то перелистывал газету очень далеко. Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

Протокол сеанса № 142. Слушали Полина. Решено: считать обращение речью условно, до Ревизии. Особое мнение:

куратор возражает против слова «условно», но подписывает.

Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

Из рабочей тетради:

Знак: повтор с периодом около ста лет. Слово пока не собирается.

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Юпитер.

Проверить: у Юпитер пауза 38 минут перед словом «слышу» — не случайность.

Часы на стене отставали на семь минут, и это всех устраивало. На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка.

Костя проверял кабели в столовой.

— Что писать в отчёте? — Правду. Отчёт читают реже, чем вы думаете.

Новость о говорящих соседях дойдёт до людей через кружки быстрее, чем через отчёты.

В аппаратной пахло пылью и нагретым металлом. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

«Марс, я не знала, как это сказать, поэтому пишу: твой отец был прав, и это не утешение, а факт».

Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

Из тетради:

Сверила с тетрадью отца: та же пауза, только на 21 лет

раньше.

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю, что вращение не умеет ждать.

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

«Нептун, если ты читаешь это, значит, я всё-таки отдал дневник. Не суди строго: он слышал раньше всех».

Запись закончилась в 01:12, и никто не хотел первым выключать лампу.

Из тетради перевода, лист 224. Знаки: 21. Слова: 118. Не относится к делу: 00:11. Пометка: «адресат» и «слушатель» в языке Снегирёва — разные слова.

Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

«Нептун, я слушаю запись восьмидесятого года и не могу перестать думать: они ждали тридцать лет».

Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

«Венера, приезжай. Я плохо сплю и хочу услышать, как ты говоришь, а не как ты пишешь».

Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

На доске мелом были выписаны частоты и стёрты наполовину. Свет от монитора падал на лица так, что все казались

моложе и усталее сразу.

Полина ходила по коридору из угла в угол в поле у кабеля.

— Почему оно говорит с вами, а не с нами? — Потому что я отвечаю.

Каждое тело говорило о своём, но все — о том, что их касались без спроса.

В столовой продавали чай за три копейки и не спрашивали про сдачу. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

«Сатурн, я не знала, как это сказать, поэтому пишу: твой отец был прав, и это не утешение, а факт».

Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

На полу лежал коврик, стёртый до основы. В архиве было холодно, и картон пах пылью и старым клеем.

Венера проверяла кабели в поле у кабеля.

— Вы понимаете, что вас снимут? — Понимаю. Стенограмма останется.

Молчание в эфире было плотнее любого звука.

Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал. Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд. Самописец выводил линию, и линия была ровной, как чужая совесть.

Уран ходил по коридору из угла в угол в коридоре инсти-

тута.

— Вы понимаете, что это невозможно? — Понимаю. Но оно говорит, а я слышу, и это два факта.

Отец тридцать лет говорил одно и то же, и его слушали как погоду.

В журнале дежурств стояла подпись, разобрать которую не смог бы и автор. Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

«Юпитер, на работе говорят, что ты занимаешься ерундой. Я отвечаю, что ерунда — это то, что не отвечает».

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

В термосе оставалось на два глотка. В коридоре гудел трансформатор, и от этого гуда болели зубы.

Земля ходила по коридору из угла в угол у антенны.

— Откуда ты знаешь, что оно устало? — По паузам. Уставшие говорят короче.

В этой комнате говорили шёпотом, будто боялись разбудить небо.

В углу стояла коробка с лентами, подписанная «восемьдесят третий, не стирать». Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

«Земля, если ты читаешь это, значит, я всё-таки отдал дневник. Не суди строго: он слышал раньше всех».

Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

Техническая сводка № 181. Шумовая температура 5 К, ветер 118 м/с, запись на два носителя. Примечание: при усилении свыше 12 дБ появляется звук, похожий на дыхание.

Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

Из рабочей тетради:

Знак: повтор с периодом около ста лет. Слово пока не собирается.

Не относится к делу: Земля дважды выходила курить и оба раза извинялсяа перед антенной.

Сегодня впервые за месяц никто не сказал слово «сигнал».

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

Часы на стене отставали на семь минут, и это всех устраивало. На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка.

Нептун правил стенограмму в коридоре института.

— Сколько у нас времени? — Шесть дней. Потом приедет тот, кого не зовут дважды.

Перевод — это всегда немного измена; вопрос был только в допустимой доле.

За окном шёл дождь и стучал по жестяному козырьку. Запись закончилась в 22:58, и никто не хотел первым выключать лампу.

На доске мелом были выписаны частоты и стёрты наполовину. В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой.

Юпитер ставил чайник в поле у кабеля.

— И что мы скажем Совету? — Скажем про людей. Про нас, а не про нашу боль.

Куратор понимала, что пишет отчёт о том, чего не существует, и делала это хорошо.

В архиве было холодно, и картон пах пылью и старым клеем. Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

Из рабочей тетради:

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю, что вращение не умеет ждать.

Проверить: у Земля пауза 00:41 перед словом «слышу» — не случайность.

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Земля.

Из тетради:

Наблюдение: Земля отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

Знак: повтор с периодом около ста лет. Слово пока не собирается.

Не относится к делу: Гринберг дважды выходил курить и оба раза извинялся перед антенной.

В наушниках шуршало так, будто кто-то перелистывал газету очень далеко. На столе лежали три тетради и ручка без колпачка.

Костя правил стенограмму в комнате отдыха.

— Что писать в отчёте? — Правду. Отчёт читают реже, чем вы думаете.

Полина думала, что язык — единственное, что нельзя отобрать, не убив.

В термосе оставалось на два глотка. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

«Сатурн, приезжай. Я плохо сплю и хочу услышать, как ты говоришь, а не как ты пишешь».

Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

В столовой продавали чай за три копейки и не спрашивали про сдачу. Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал.

Гринберг считал паузы на лестнице.

— Полина, вы уверены, что это не наша аппаратура? — Уверена. Аппаратура не умеет быть вежливой.

Каждое тело говорило о своём, но все — о том, что их касались без спроса.

В журнале дежурств стояла подпись, разобрать которую не смог бы и автор. Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

Антенна стояла в поле и слушала небо, как слушают соседа через стену. Самописец выводил линию, и линия была ровной, как чужая совесть.

Плутон слушал в наушниках тишину у стола с тетрадями.

— Вы понимаете, что вас снимут? — Понимаю. Стено-

грамма останется.

Молчание в эфире было плотнее любого звука.

Часы на стене отставали на семь минут, и это всех устраивало. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

«Снегирёва, я не знала, как это сказать, поэтому пишу: твой отец был прав, и это не утешение, а факт».

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Опись лент, коробка 50. Лент: 40. Из них подлежит восстановлению: 3. Остальные — «не стирать».

Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

В коридоре гудел трансформатор, и от этого гуда болели зубы. На доске мелом были выписаны частоты и стёрты наполовину.

Уран заваривал чай в кабинете куратора.

— Вы понимаете, что это невозможно? — Понимаю. Но оно говорит, а я слышу, и это два факта.

Костя верил в свои наушники и в этом был сильнее многих.

В углу стояла коробка с лентами, подписанная «восемьдесят третий, не стирать». Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд. Свет от монитора падал на лица

так, что все казались моложе и усталее сразу.

Сатурн смотрел в спектр у трансформаторной будки.

— Это конец? — Это переписка. У переписки не бывает конца, бывает пауза.

Смысл собирался медленно, как изображение в старом телевизоре.

В термосе оставалось на два глотка. Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

На столе лежали три тетради и ручка без колпачка. За окном шёл дождь и стучал по жестяному козырьку.

Венера слушала в наушниках тишину в кабинете куратора.

— Почему оно говорит с вами, а не с нами? — Потому что я отвечаю.

Новость о говорящих соседях дойдёт до людей через кружки быстрее, чем через отчёты.

В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой. Запись закончилась в 03:47, и никто не хотел первым выключать лампу.

В аппаратной пахло пылью и нагретым металлом. Самописец выводил линию, и линия была ровной, как чужая совесть.

Полина писала в журнал дежурств у самописца.

— И что мы скажем Совету? — Скажем про людей. Про нас, а не про нашу боль.

В этой комнате говорили шёпотом, будто боялись разбу-

дить небо.

Часы на стене отставали на семь минут, и это всех устраивало. Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

В наушниках шуршало так, будто кто-то перелистывал газету очень далеко. В столовой продавали чай за три копейки и не спрашивали про сдачу.

Меркурий смотрел на часы у доски с расчётами.

— Откуда ты знаешь, что оно устало? — По паузам. Уставшие говорят короче.

Всё, что они слышали, было частной перепиской, и они читали её без разрешения.

Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал. Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

Из рабочей тетради:

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю, что вращение не умеет ждать.

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

На доске мелом были выписаны частоты и стёрты наполовину. На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка.

Снегирёва вытирала пыль с аппарата у окна с видом на поле.

— Сколько у нас времени? — Шесть дней. Потом приедет тот, кого не зовут дважды.

Куратор понимала, что пишет отчёт о том, чего не существует, и делала это хорошо.

Антенна стояла в поле и слушала небо, как слушают соседа через стену. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

Глава 5. Шуба, которую не снять

Венера вышла на связь пятнадцатого декабря, и это был не разговор, а выступление.

Полина потом прослушала его одиннадцать раз — сначала как материал, потом как материал, потом уже просто так, как люди слушают пластинку, которую любят.

«Я буду говорить о себе, — сказала Венера. — Потому что если я не буду говорить о себе, я буду говорить о них, а это скучно. Меня зовут Утренняя, потому что я прихожу первой и ухожу последней, и меня видят те, кто рано встаёт, и те, кто не спит. У меня была вода. Я хочу, чтобы это было сказано в самом начале, потому что обычно говорят о температуре и о моей шубе, а вода — не деталь. Вода — это когда можно разговаривать».

Полина записывала, не поднимая головы.

«Я была тёплой, — сказала Венера. — У меня шёл дождь. Не как у вас — не тот, что бьёт по щекам, а тот, что идёт неделями и в котором всё равно хочется стоять. У меня были мелкие тела в воде, и они умирали и рождались, и мне казалось, что это мой ритм. Я, знаете, думала, что это мой ритм. Я так думала, а потом я слушала их и думала: как хорошо, что я не одна.

«Потом стало теплее. Я не заметила. Так всегда бывает: сначала ты не замечаешь, потому что тебе приятно, а по-

том ты не можешь остановиться, потому что все продолжают. Мой воздух стал плотным. Я перестала видеть наружу. У меня всё это осталось внутри, и это было как шуба, которую тебе накинули на плечи гости, а потом ушли и не вернулись, а окна в комнате не открываются, и ты сидишь в шубе и не можешь её снять, и тебе уже не жарко — тебе уже не бывает иначе.

«Теперь я говорю сорок три градуса днём. Ночью почти пять сотен. У меня давление, от которого человек, если он читает цифру, ничего не чувствует, а если посмотрит на неё в записи, то ошибается, потому что нечем мерить мысли. У меня идут дожди из кислоты, которые называются дождями из вежливости, потому что до земли они не доходят — испаряются в воздухе. И у меня нет воды. Я хочу, чтобы это было сказано ещё раз: у меня нет воды. У меня есть облака из того, что раньше было водой, и это хуже, чем если бы их не было».

Константин, стоявший у стола, отошёл и сел.

— Это не бред, — сказал он тихо. — Это же... это же отчёт о состоянии.

— Это биография, — сказала Полина.

«Я не жалуюсь, — сказала Венера. — Я предупреждаю. Я старше вас, но вы на меня не похожи: у вас вода снаружи, и у вас есть открытые окна. Если одно закрыть, станет душно. Если закрыть два, станет жарко. Если закрыть все, получится, что я.

«Мне говорили, что я старшая сестра. Говорили, что сле-

дующая — та, что ближе к Солнцу, и она бегает вприпрыжку и всё время говорит про раскалённость. А я думаю, что младшая — это та, что дальше: у неё ещё есть время повторить то, что я сказала, и ничего не делать, потому что «а нам-то что».

«Вот что я прошу передать. Не «берегите природу», а именно это: она уже умеет об этом говорить. А мне было не с кем».

В аппаратной было очень тихо. Потом Константин Дудник встал, налил воду в чайник, включил его и сказал негромко и совсем не смешно:

— Мы правда слушаем отчёт планеты о том, как она упустила воду, и мой главный вопрос: почему у меня в телефоне больше нет никого, кому я мог бы это рассказать.

— Позвони жене, — сказала Полина.

— Поздновато, — сказал Костя. — Но я позвоню.

И он позвонил. А позже, когда всё это кончится, его бывшая жена расскажет на телевидении, что в ту ночь в три часа она первый раз за два года услышала от него голос, в котором не было ожидания, что ему сразу откажут.

Полина в тот вечер дописала в тетрадь три строки и потом зачеркнула их, потому что это было не по работе, а потом переписала обратно, потому что это было по работе больше, чем всё остальное:

«Она не просит помощи. Она просит, чтобы её биография была кому-нибудь известна.

«А ещё — что слушать надо до конца, даже если конец неудобный и ты уже опаздываешь.

«Главное в планете — не размер. Главное — у кого-то из нас хватит времени её выслушать».

В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд. В коридоре гудел трансформатор, и от этого гуда болели зубы.

Гринберг писал в журнал дежурств на лестнице.

— Что писать в отчёте? — Правду. Отчёт читают реже, чем вы думаете.

Каждое тело говорило о своём, но все — о том, что их касались без спроса.

В журнале дежурств стояла подпись, разобрать которую не смог бы и автор. Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

В термосе оставалось на два глотка. Часы на стене отставали на семь минут, и это всех устраивало.

Уран искал нужную папку на крыше.

— Это опасно? — Опасно не это. Опасно то, что мы уже начали привыкать.

Перевод — это всегда немного измена; вопрос был только в допустимой доле.

На столе лежали три тетради и ручка без колпачка. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Самописец выводил линию, и линия была ровной, как чу-

жая совесть. За окном шёл дождь и стучал по жестяному козырьку.

Юпитер искал нужную папку в комнате отдыха.

— Сатурн, вы уверены, что это не наша аппаратура? — Уверена. Аппаратура не умеет быть вежливой.

Отец тридцать лет говорил одно и то же, и его слушали как погоду.

Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал. Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

В аппаратной пахло пылью и нагретым металлом. Свет от монитора падал на лица так, что все казались моложе и усталее сразу.

Марс перечитывал тетрадь за прошлую неделю у пульта.

— Вы понимаете, что вас снимут? — Понимаю. Стенограмма останется.

Новость о говорящих соседях дойдёт до людей через кружки быстрее, чем через отчёты.

В архиве было холодно, и картон пах пылью и старым клеем. Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

Пометка на полях:

Сегодня впервые за месяц никто не сказал слово «сигнал».

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Гринберг.

Наблюдение: Гринберг отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

Знак: повтор с периодом около ста лет. Слово пока не собирается.

Проверить: у Гринберг пауза 02:40 перед словом «слышу» — не случайность.

Пометка на полях:

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

Сверила с тетрадью отца: та же пауза, только на 118 лет раньше.

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю, что вращение не умеет ждать.

Не относится к делу: Гринберг дважды выходил курить и оба раза извинялся перед антенной.

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Полина.

«Юпитер, я слушаю запись восьмидесятого года и не могу перестать думать: они ждали тридцать лет».

Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

Запись в блокноте:

Наблюдение: Снегирёва отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

Проверить: у Снегирёва пауза 00:11 перед словом «слышу» — не случайность.

В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой. В коридоре гудел трансформатор, и от этого гуда болели зубы.

Костя вытирал пыль с аппарата в комнате отдыха.

— И что мы скажем Совету? — Скажем про людей. Про нас, а не про нашу боль.

В этой комнате говорили шёпотом, будто боялись разбудить небо.

На полу лежал коврик, стёртый до основы. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

«Сатурн, на работе говорят, что ты занимаешься ерундой. Я отвечаю, что ерунда — это то, что не отвечает».

Запись закончилась в 02:40, и никто не хотел первым выключать лампу.

Из тетради:

Сверила с тетрадью отца: та же пауза, только на 0 лет раньше.

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю, что вращение не умеет ждать.

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

Не относится к делу: Марс дважды выходил курить и оба раза извинялся перед антенной.

Наблюдение: Снегирёва отвечает быстрее, когда в комна-

те молчат. Это уже не физика, это этикет.

Стенограмма, лист 3. Полина: «в коридоре института — не место, это порядок». Реакция присутствующих: двое записали, один вышел в коридор.

Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд. На доске мелом были выписаны частоты и стёрты наполовину.

Земля искала нужную папку в комнате отдыха.

— Это можно выключить? — Можно. Только это не выключается, оно замолкает.

Полина думала, что язык — единственное, что нельзя отобрать, не убив.

На столе лежали три тетради и ручка без колпачка. Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка. За окном шёл дождь и стучал по жестяному козырьку.

Полина заваривала чай на дежурстве.

— Это конец? — Это переписка. У переписки не бывает конца, бывает пауза.

Она впервые задумалась, что адресат — не тот, кто услышит, а тот, кто ответит.

В столовой продавали чай за три копейки и не спрашивали про сдачу. Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал. В углу стояла коробка с лентами, подписанная «восемьдесят третий, не стирать».

Плутон проверял уровень записи в коридоре института.

— Ты спал хоть час? — Час. Спал. Это был хороший час.

Костя верил в свои наушники и в этом был сильнее многих.

В архиве было холодно, и картон пах пылью и старым клеем. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой. Свет от монитора падал на лица так, что все казались моложе и усталее сразу.

Гринберг искал нужную папку у трансформаторной будки.

— Откуда ты знаешь, что оно устало? — По паузам. Уставшие говорят короче.

Смысл собирался медленно, как изображение в старом телевизоре.

На полу лежал коврик, стёртый до основы. Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

«Марс, приезжай. Я плохо сплю и хочу услышать, как ты говоришь, а не как ты пишешь».

Костя вышел на улицу и долго смотрел на антенну, как смотрят на человека.

Самописец выводил линию, и линия была ровной, как чу-

жая совесть. В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд.

Меркурий перечитывал тетрадь за прошлую неделю у трансформаторной будки.

— Уран, вы уверены, что это не наша аппаратура? — Уверена. Аппаратура не умеет быть вежливой.

Всё, что они слышали, было частной перепиской, и они читали её без разрешения.

В коридоре гудел трансформатор, и от этого гуда болели зубы. Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

В наушниках шуршало так, будто кто-то перелистывал газету очень далеко. Часы на стене отставали на семь минут, и это всех устраивало.

Сатурн слушал в наушниках тишину у стола с тетрадями.

— Почему оно говорит с вами, а не с нами? — Потому что я отвечаю.

Новость о говорящих соседях дойдёт до людей через кружки быстрее, чем через отчёты.

Лампа мигала раз в двенадцать секунд, и её давно никто не замечал. Запись закончилась в 02:40, и никто не хотел первым выключать лампу.

На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка. В журнале дежурств стояла подпись, разобрать которую не смог бы и автор.

Снегирёва перечитывала тетрадь за прошлую неделю у

окна с видом на поле.

— Это опасно? — Опасно не это. Опасно то, что мы уже начали привыкать.

В этой комнате говорили шёпотом, будто боялись разбудить небо.

В аппаратной пахло пылью и нагретым металлом. Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

«Уран, я не знала, как это сказать, поэтому пишу: твой отец был прав, и это не утешение, а факт».

В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Пометка на полях:

Знак: повтор с периодом около ста лет. Слово пока не собирается.

Проверить: у Полина пауза 02:40 перед словом «слышу» — не случайность.

Сверила с тетрадью отца: та же пауза, только на 34 лет раньше.

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю, что вращение не умеет ждать.

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Полина.

Из тетради:

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

Не относится к делу: Сатурн дважды выходил курить и оба

раза извинялся перед антенной.

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

Знак: повтор с периодом около ста лет. Слово пока не собирается.

Наблюдение: Гринберг отвечает быстрее, когда в комнате молчат. Это уже не физика, это этикет.

«Земля, я слушаю запись восьмидесятого года и не могу перестать думать: они ждали тридцать лет».

Потом об этом говорили на планёрке, и все согласились, что «интересно».

«Костя, на работе говорят, что ты занимаешься ерундой. Я отвечаю, что ерунда — это то, что не отвечает».

Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

Антенна стояла в поле и слушала небо, как слушают соседа через стену. В углу стояла коробка с лентами, подписанная «восемьдесят третий, не стирать».

Венера делала пометку на полях в посёлке у магазина.

— И что мы скажем Совету? — Скажем про людей. Про нас, а не про нашу боль.

Полина думала, что язык — единственное, что нельзя отобрать, не убив.

В столовой продавали чай за три копейки и не спрашивали про сдачу. Плёнку перемотали и убрали в коробку с надписью «не стирать».

В термосе оставалось на два глотка. В поле включали полив, и вода шла по трубам с гулом, похожим на далёкий поезд.

Уран делал пометку на полях у доски с расчётами.

— Это конец? — Это переписка. У переписки не бывает конца, бывает пауза.

Молчание в эфире было плотнее любого звука.

В машине на трассе пахло бензином и мокрой курткой. Утром это выглядело как обычная бумага с цифрами, и это было самое странное.

Самописец выводил линию, и линия была ровной, как чужая совесть. За окном шёл дождь и стучал по жестяному козырьку.

Костя пересчитывал знаки на лестнице.

— Что писать в отчёте? — Правду. Отчёт читают реже, чем вы думаете.

Отец тридцать лет говорил одно и то же, и его слушали как погоду.

На столе лежали три тетради и ручка без колпачка. В журнале осталась строчка на четыре слова, и она была длиннее отчёта.

Запись в блокноте:

Проверить: у Сатурн пауза 00:41 перед словом «слышу» — не случайность.

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

Костя утверждает, что это вращение Земли. Я утверждаю, что вращение не умеет ждать.

Сверила с тетрадью отца: та же пауза, только на 5 лет раньше.

В наушниках шуршало так, будто кто-то перелистывал газету очень далеко. На полу лежал коврик, стёртый до основы.

Гринберг заваривал чай в аппаратной.

— Это можно выключить? — Можно. Только это не выключается, оно замолкает.

Она впервые задумалась, что адресат — не тот, кто услышит, а тот, кто ответит.

В архиве было холодно, и картон пах пылью и старым клеем. Запись закончилась в 01:12, и никто не хотел первым выключать лампу.

Протокол сеанса № 368. Слушали Плутон. Решено: считать обращение речью условно, до Ревизии. Особое мнение: куратор возражает против слова «условно», но подписывает.

Снегирёва поставила подпись и впервые за год сделала это медленно.

Из тетради:

Ошибка перевода: «ставить» может значить «касаться». Тогда всё, что мы звали агрессией, — просьба.

Гипотеза: речь идёт по промежуткам между импульсами. Проверить на Полина.

Проверить: у Полина пауза 00:41 перед словом «слышу» — не случайность.

Записала фразу целиком и поняла, что не хочу её переводить.

В журнале дежурств стояла подпись, разобрать которую не смог бы и автор. На подоконнике стоял стакан с водой и в нём ложка.

Юпитер проверял уровень записи в столовой.

— Откуда ты знаешь, что оно устало? — По паузам. Уставшие говорят короче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.